

Касьянова Ирина Владимировна

ИНСТИТУТ КУБАНСКИХ СТАНИЧНЫХ АТАМАНОВ: ИСТОРИОГРАФИЯ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

В статье рассматривается историография института станичных атаманов Кубани в советский период, который не отличается богатством исследовательских работ названной тематики. В советский период историография базировалась на методологии марксизма-ленинизма, что пробуждало интерес к материальному производству, экономическим факторам, влияющим на жизнь казачьей общины. Яркие примеры подобных работ - монографические исследования В. А. Голобуцкого, В. И. Недосекина и М. В. Покровского.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/9-2/17.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (47): в 2-х ч. Ч. II. С. 74-78. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

**IDEA OF GLOBAL STATE IN NATIONAL POLITICAL AND LEGAL THOUGHT
(M. A. BAKUNIN, A. D. GRADOVSKY, L. A. TIKHOMIROV)**

Ishanova Marina Valentinovna, Ph. D. in Law
Yelets State Bunin University
marina.ishanova@gmail.com

The idea of global state has been attracting great attention of lawyers, philosophers, political scientists throughout several centuries. In the course of time the idea not only about the possibility, appropriateness and necessity to create a universal community, which is destined to unite all humanity, but also about its form and the principles of organization has been changing. The observed intellectual revival of the idea of global state is accompanied by the growth of interest in the political and legal doctrines of the past. Special attention is paid to the views of the national thinkers of the second half of the XIX – the beginning of the XX century, who presented an original interpretation of this conception.

Key words and phrases: A. D. Gradovsky; M. A. Bakunin; L. A. Tikhomirov; global state; hegemony; globalization; national idea; conquest.

УДК 930.2

Исторические науки и археология

В статье рассматривается историография института станичных атаманов Кубани в советский период, который не отличается богатством исследовательских работ названной тематики. В советский период историография базировалась на методологии марксизма-ленинизма, что пробуждало интерес к материальному производству, экономическим факторам, влияющим на жизнь казачьей общины. Яркие примеры подобных работ – монографические исследования В. А. Голобуцкого, В. И. Недосекина и М. В. Покровского.

Ключевые слова и фразы: институт станичных атаманов; Кубань; казачья община; казачье общество; казачий сход.

Касьянова Ирина Владимировна, к. пед. н.
Кубанский государственный технологический университет
Iri3897@yandex.ru

**ИНСТИТУТ КУБАНСКИХ СТАНИЧНЫХ АТАМАНОВ:
ИСТОРИОГРАФИЯ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА[©]**

Цель написания данной статьи – рассмотреть историографию института станичных атаманов Кубани в советский период – достаточно сложный с точки зрения возможностей для изучения темы. Однако именно работы советских исследователей представляют собой академические фундаментальные исследования.

В 1956 г. была опубликована монография В. А. Голобуцкого «Черноморское казачество» [1]. Автор изучил проблемы социального расслоения в казачьей среде, представил материал о взаимодействии рядового казачества с атаманами, обрисовал структуру управления, не мог не остановиться на традициях казачьего войска. Основное внимание в работе уделено социально-экономическим проблемам, которые приходилось рассматривать атаманам и казачьим старшинам.

Критикуя версию Д. Эварницкого, который считал, что «запорожская община доходила до полного идеала, неведомого нам ни в древнем, ни в новом веках; господствовавшее здесь начало равенства проходило везде... при разделе имущества и в частной жизни» [Там же, с. 8], автор разбирает, на примере статистических и документальных данных, реальное положение дел в казачьей общине, рассматривает функции и обязанности станичных атаманов и старшин [Там же, с. 315-328]. Основания для полемики историк В. А. Голобуцкий находит и в работах И. Д. Попки и Ф. А. Щербины. «Щербина исходил из идеи господства народных начал и считал «казачью общину» воплощением этих начал. Скорбя об утрате войсковой рады в Запорожской Сечи, Ф. Щербина считал кубанскую казачью раду ее преемницей и продолжательницей народных традиций. Мысли Ф. Щербины об общине надо понимать как прямое продолжение исторической линии, воспринятой Черноморским казачьим войском от общественной организации Запорожской Сечи, в которой основной была «коллективная собственность на землю»» [Там же, с. 14].

«Коллективная собственность» была отражена документально в «Высочайшей» грамоте Екатерины Великой и ее преемников, но одновременно были выдвинуты старшины и упразднена войсковая рада. Мы уже встречали в рассуждениях о дореволюционной историографии предположения о том, чем объясняет Ф. А. Щербина ликвидацию выборного начала, в чем для него состоит объяснение выдвижения старшин. Старшины хотели частной собственности, а большинство «казачьих низов» боролись за сохранение «коллективной собственности» на землю.

Освоение Кубани проходило в тяжелейших условиях. Одновременно проводилась борьба казачества с польскими и украинскими панами, а также с турецкими и татарскими феодалами. В ходе военных кампаний, в результате противостояния силам извне у казаков сформировались военная организация, органы самоуправления, без которых невозможно было выстоять. Атаман должен был быть уважаем всем обществом, ему подчинялось как все казачье войско, так и его отдельные единицы. Поэтому существовала традиция выборности атаманов, судей, есаулов. Вся казачья старшина избиралась казаками на радах, перед которыми и отчитывалась. Кошевые старшины избирались каждый год на войсковой или сечевой раде, созывавшейся обычно 1 января. «Обычным, – пишет историк, – стало явление, когда старшины занимали свои должности в течение многих лет бессменно. И. Малашевич, например, девять лет избирался атаманом, П. Калнишевский, один из самых крупных запорожских богачей, удерживал свой пост кошевого атамана в течение десяти лет подряд. За все время существования Новой Сечи, то есть, за сорок один год, влиятельная должность войскового писаря принадлежала только четырём лицам. Много лет подряд занимали свои должности войсковой судья П. Головатый, полковник А. Колпак, И. Порохня, полковые старшины А. Головатый, С. Белый, Л. Мищенский и др.» [Там же, с. 28-29]. Таким образом, автор подчеркивает, что атаманы войска, находясь у власти довольно долгий период, не только исполняли обязанности по управлению войском, но и располагали немалыми денежными средствами и землями. Был указан размер денежного довольствия атаманов: «В 1763 г. атаман получал семьдесят, судья – шестьдесят, писарь – пятьдесят, есаул – сорок рублей. А курень в целом – сто сорок рублей» [Там же, с. 30].

По составу казачий курень к этому периоду – вторая половина восемнадцатого века – представлял собой довольно пестрое по социальному составу поселение. Можно выделить четыре социальные категории: беглецы, беднота из центральной полосы России; дети; беглые солдаты; богатые «старые и добрые казаки». Основной причиной появления бедноты, пополнявшей ряды казачьей серомы, было желание наняться на работу к богатому казаку, заработать, и в этом стремлении беднота соглашалась на любые виды заработка, нанималась на службу за богатого казака. Выделившиеся богатые казаки образовывали свои хозяйства – казачьи зимовники. В. А. Голобуцкий считал, что первые казачьи (зимовники) хутора появлялись одновременно с промыслами.

«Куренные атаманы пользовались большой властью, часто бранили, даже били казаков», «понеже у оного атамана всех казаков деньги платые на руках. Ежели куда посылать, не столько казаки послушны будут кошевому и судье, сколько атаману своего куреня» [Там же, с. 47]. Можно сказать, что куренной атаман был не столько начальником, сколько и судьей, и управляющим куренным хозяйством, так как он распоряжался казной куреня и его продовольствием. Рассказывая о расхождении казачества, историк В. А. Голобуцкий находит проявления данного явления еще в период Новой Сечи. Одним из проявлений, как уже было отмечено, являлась практика приема на службу бедного казачьего наймита вместо богатого казака.

Интерес представляет гл. 2 «Образование Черноморского казачьего войска». Перед нами предстает картина тех страшных для запорожского казачества последствий, которые не заставили себя долго ждать после разрушения в 1775 году Запорожской Сечи. Часть бывшей запорожской старшины была введена в разряд феодалных землевладельцев. Однако это был лишь незначительный процент. В основном жители Сечи стали поселенцами казенных и воинских слобод, купцами и мещанами, войдя в разряд податного населения Российской империи.

Внезапно разбогатевшие за счет вошедших в состав их хозяйств зажиточных казаков, помещики стремились удержать казака от вступления в Черноморское казачье войско, удерживали и захватывали их имущество. Историк приводит реестры захваченного помещиками. Убытки зажиточных казаков, вошедших в качестве крепостных в состав империи, были существенны. В работе приведены примеры ущерба от 2202 руб. 67 коп. – бывшего запорожского казака Карпенко, крепостного полковника Милорадовича. В работе приводятся примеры того, как сложно приходилось тем, чье хозяйство могло входить в состав нескольких помещичьих хозяйств одновременно. Каждый помещик считал возможным взять то, что ему больше нравилось в хозяйстве казака. Статистика ущерба огромна. Обидно, когда прямо пользовались непониманием казаков и «брали деньги взаймы», не собираясь их отдавать, ведь крепостные сами являлись господской собственностью [Там же, с. 122].

Рассматривая последовательную смену Черноморских кошевых атаманов, В. А. Голобуцкий приходит к выводу о том, что принципы выборности «всем товариством» были трансформированы еще до того, как даже учреждено «Войско верных казаков» [Там же, с. 318]. В формулировке «избран» можно проследить лишь уклад жизни казаков. Но на самом деле С. Белый, а за ним З. Чепега были назначены еще при жизни Потемкина. Захарий Чепега, по имущественному положению совсем не бедный человек, был осыпан «милостями» и пожалован землями после разрушения Сечи. Изначально на должность кошевого атамана попадал человек богатый и влиятельный, например, как А. Головатый. После упразднения звания «кошевого атамана, и замены этого звания понятием — «казной»» атаманом стал войсковой писарь полковник Т. Котляревский.

Ф. Щербина не связывал исчезновение выборного начала у казаков с социальным расслоением. Позволим себе привести цитату В. Голобуцкого, который в полемике с Ф. Щербиной на эту тему пишет: «Не желая объяснять психологию правящих кругов старшины особенностями ее социального положения, он (Ф. Щербина – И. К.) пытается объявить нежелание старшины восстановить войсковую раду карьеризмом Головатого, а после его смерти бездарностью Котляревского. Выходит, таким образом, что если бы Головатый был менее честолюбив, а Котляревский более умен, то войсковая рада неизбежно была бы восстановлена, и тогда черноморское казачество было бы вторым изданием Запорожской Сечи, то есть являло бы собой идеальный образец демократического общества, отвечающего всем требованиям идеи «народоправства» и «социального равенства»» [Там же, с. 317, 318].

Анализ имущественного положения войсковых атаманов позволяет сделать вывод: выдвижение на пост войскового и куренных атаманов в период формирования войска носило форму назначений со стороны

командования, что во многом связано с несением военной службы. Можно рассмотреть это на примере ордера С. Белому, в котором содержится информация о назначении на казачьи должности ряда лиц [Там же, с. 318]. Выборными оставались должности куренных, а впоследствии станичных атаманов. В «Порядке общей пользы» была инструкция для окружных правлений. То есть самоуправление сохранялось на низовом уровне. Не сразу приживалась практика назначений сверху. На это противоречие между писанными правилами и казачьей самобытной традицией указывает сообщение кошевого З. Чепеги из польского похода. Речь шла о выборах войскового есаула. З. Чепега согласился на выбор есаула на 2-3 года оставшимся черноморским «обществом». Под «обществом» подразумевались старшины, созываемые на совещания решением войскового правительства.

В книге В. А. Голобуцкого представлено исследование имущественного положения казачьих станичных атаманов и роли станичного общества в решении вопросов жизни казачества.

Куренные атаманы должны были быть «вежливыми, расторопными, разумеющими страх божий, страх государев, и грозящие ему законы, также воинскую службу и хозяйственное распоряжение». Кандидат в куренные атаманы должен быть «из старшин и знаменитых казаков, семейственных и достаточных» [Там же, с. 321]. Достаточность казака должна была служить гарантией того, что он не будет склонен к взяткам. Таким образом, беднота отстранялась от власти сразу. При каждом переизбрании атамана возникала борьба между чиновниками и простым казачеством. Об этом свидетельствует письмо атамана Рашпиля. В неуказываемой им станице на выборах победила кандидатура казаков, выбрано было «лицо неодобрительного поведения», поэтому выборы были кассированы и назначены новые. А власти в руках атамана станицы было значительно больше, чем власти у крестьянского старосты. Атаманы станиц многократно злоупотребляли ею.

Повинности казаков были многоплановы и делились на внутреннюю и военную службу. Внутренняя служба была довольно обременительной для казака. Он должен был: заготавливать сено, обеспечивать его транспортировку, доставлять дерево, канаты, подводы для провианта, привозить лес на стройку, обеспечивать воинский постой, обслуживать войсковые заводы, суконную фабрику, мастерские, почтовую и дорожную повинности. Тот, кто прослужил на кордоне год, освобождался от повинностей на два месяца, полгода – на месяц. Повинности переводились на деньги и подлежали выкупу. В работе Голобуцкого содержится ссылка на архив Краснодарского края, содержащий «рапорты 43 куренных правлений на имя войсковой канцелярии со списками «вспомогателей» по куреням и с указанием внесенной им суммы в куренную кассу за истекший 1829 г.» [Там же, с. 327]. Историк фиксирует расхождение заявленного характера казачьих станичных атаманов и реальных характеров «управителей станиц». Например, атаман Калниболотского куреня И. Гаркуша избил казака Шаровару без малейшего повода, не пустил к нему полкового священника. Шаровару освободили казаки «всем обществом». Незаконное предпринимательство, спекуляции, действия через подставных лиц, связанные со станичной землей и сенокосами, – не полный перечень действий станичных атаманов.

Черноморская старшина, как обобщенно называет В. А. Голобуцкий «верхушку кубанского войска, управляющую войском и станицей», «воспитывавшаяся в атмосфере грубости и невежества», с чувством спеси и презрения относилась к рядовому казачеству. По свидетельству В. Золотаренко, «даже в церкви, перед лицом Бога, они не хотели стоять рядом с простым народом, а помещались за особо устроенной перегородкой» [Там же, с. 333]. Куренных атаманов пытались облечь ответственностью за укрывательство зачинщиков так называемого Персидского бунта, когда вернувшиеся из похода казаки не получили причитающегося им денежного довольствия. Но на этом этапе станичное общество, представлявшее собой довольно неоднородное явление, не могло служить в полной мере опорой проводимой внутренней политики.

В работе «Очерки социально-экономической истории адыгейских племен в конце XVIII – первой половине XIX века» историк М. В. Покровский раскрывает лишь некоторые аспекты деятельности института станичных атаманов Кубани. Он освещает деятельность института наемничества, существовавшего не без поддержки атаманов станиц. М. В. Покровский отметил, что наемничество достигло на Кубани пышного расцвета: «Зажиточные казаки, занятые хозяйственной деятельностью, всеми способами старались уклониться от несения кордонной службы. Наиболее простым средством достигнуть этого было выставление вместо себя на кордон нанятого за деньги человека. Это явление, получившее довольно широкое распространение еще в Запорожье, на Кубани достигло пышного расцвета. Выставление вместо себя на пограничную службу наймитов прочно вошло в быт Черноморского войска как официально признанное внутривойсковое установление, которое имело ряд неписанных правил. Одно из них заключалось в том, что отдельное казачье хозяйство, в котором работали два родных брата, могло выставлять только одного наймита. В случае же самовольной отлучки последнего со службы войсковые власти обычно предписывали куренным атаманам принудить «оного козака или его хозяев к отбыванию службы»» [6]. Автор отметил такую характерную черту кубанского наемничества как посылка на кордон подростков, не представлявших большой ценности в хозяйстве.

Современный историк Б. Е. Фролов, анализируя эту концепцию, пишет, что оба автора видят причины наемничества в социально-экономических факторах. «Нисколько не отрицая их значения, мы склонны считать, что это только одна сторона медали, и не учитывая вторую, мы обедняем и искажаем картину. Как нам кажется, важно понять тот социально-психологический контекст, в котором возникло и расцвело наемничество. Дело в том, что казачьи войска, прочно занявшие свою нишу в военной структуре Российской империи, представляли собой совершенно иное качественное состояние, нежели «вольные» казачьи сообщества более раннего периода (факты наемничества несомненно имели место и на ранних этапах казачьей истории, мы же ведем речь об эпохе вполне сформировавшейся системы). На смену эпизодическим, порою спонтанным набегам (как основной форме ведения военных действий) и периодическим разведывательным акциям пришла жестко регламентированная система постоянной военной службы» [8].

До начала Кавказской войны воинская служба рассматривается не как нечто обязательное для казака, присущее казаку и даже не как почетная обязанность и священный долг, а как тяжелая повинность, бремя, как плата за наличие воинского звания. Именно из такого понимания службы и вытекают многочисленные и постоянные попытки от нее уклониться. Социальное и материальное положение казака является в данном случае вторичным фактором, это механизм, инструмент, с помощью которого и реализуется специфическое отношение казака к службе. Главенствующую роль играет социально-психологический стереотип, сформировавшийся во вполне определенных исторических условиях. В работе содержится и фактический материал о помощи казачьей общины в организации материального обеспечения воинской службы.

В работе М. В. Покровского имеется глава «Поселение Черноморского казачьего войска на Кубани. Общая характеристика хозяйственного развития Черноморья», в которой содержится утверждение, что уже в 1745 г. здесь жили запорожцы. Далее ученый отмечает наличие индивидуальных земельных участков и в Запорожье, и в Черномории, что налагало на атаманов особые полномочия, поскольку от них зависело существование двух основных способов пользования землей в Черномории – хуторского и царинного. Хутор – место постоянного хозяйствования, местонахождение усадебной земли. Царин располагался за куренным поселением. М. В. Покровский, в отличие от В. А. Голобуцкого, обращал внимание на то, что в основном казачество использовало внеэкономические формы принуждения, реализовавшиеся в форме административно-начальнического произвола.

Во второй половине XX века появляются исследования, раскрывавшие суть земельных отношений в казачьей общине. Этот вопрос исследовался А. В. Фадеевым, о работах которого в своем историографическом очерке упоминает известный кубанский историк В. Н. Ратушняк [Там же]. А. В. Фадеев исследовал трансформацию казачьих традиций и хозяйство кубанского казачества в «Очерках экономического развития Степного Предкавказья в дореволюционный период». Автор рассматривает взаимосвязь военно-политических процессов на Кавказе с переходом черноморцев от скотоводства к земледелию. В монографии А. В. Фадеева представлена характеристика социально-экономических процессов, закладывавших основу преобразования казачества к началу реформ 1860-1870 гг. [9].

В 1977 году появилась коллективная монография «Дон и степное Предкавказье. XVIII – первая половина XIX в.», изд-во Ростовского университета, в которой В. И. Недосекин [5, с. 64-71] показал процесс заселения Черноморцами края, ответив то, что лучшие земельные угодья и рыболовные места были захвачены войсковыми старшинами и казачьим начальством.

В частности, он писал о вопросах заселения Черномории, развития сельского хозяйства, промышленности и торговли у казаков. Отметив захват войсковой старшиной лучших земель и рыболовных угодий, В. И. Недосекин констатировал, что многие переселенцы не получили в Черномории обещанных прав на землю и превратились в каменных работников в имениях старшин. Имея в виду рассматриваемый исторический период, В. Н. Ратушняк с мыслью В. И. Недосекина не согласен. «Если автор имел в виду казаков, то любой из них, имевший скот или земледельческие орудия, мог в первые десятилетия XIX в. занимать земли столько, сколько хотел (по крайней мере до Положения 1842 г.). Если же речь идет о крестьянах, то земли не получали лишь незаконные переселенцы» [8]. Автор был не прав и тогда, когда писал, что основным занятием жителей Черномории было земледелие. «Это опровергается и его собственными статистическими данными. Даже в 1860 г. под пашней было занято всего лишь 6% площади Черномории. В первой половине XIX в. казаки занимались главным образом скотоводством. Сам В. И. Недосекин ведущей её отраслью считал коневодство и в этом он был абсолютно прав», – пишет В. Н. Ратушняк [Там же]. По свидетельству Ф. И. Елисеева, кубанского атамана, описывавшего период с 1836 до 1842 годов: «Земля тогда – не делилась», а каждый пахал столько, сколько мог. После «железа» видимо с дедушкой, у батеньки оставалось большое хозяйство. Был даже свой табун лошадей» [2, с. 22].

Краткий историографический обзор позволяет сделать следующие выводы. Историография изучения института станичных атаманов получила в советский период гораздо меньшее развитие, чем историография развития земледелия и землеобеспеченности казаков. В целом советская историография подчеркивала, что процесс заселения и экономического освоения Северного Кавказа происходил в момент разложения крепостного хозяйства в России и становления буржуазных отношений. В советский период историография базировалась на методологии марксизма-ленинизма, что пробуждало интерес к материальному производству, экономическим факторам, влияющим на жизнь казачьей общины. Яркие примеры подобных работ – монографические исследования В. А. Голобуцкого, В. И. Недосекина и М. В. Покровского.

Центральное место для изучения темы в рассматриваемый период представляет работа В. А. Голобуцкого, который подробно остановился на роли станичных институтов управления в жизни казачества. Полемицируя с дореволюционными историками, доказал несостоятельность теории казачьего бесклассового общества, гармоничного существования общины, документально подтвердил высокий имущественный ценз атамана станицы и его особые полномочия по управлению казачьим обществом.

Список литературы

1. Голобуцкий В. А. Черноморское казачество. Киев: Изд-во АН УССР, 1956. 416 с.
2. Жизнь и судьба кубанского казака и джигита Ф. И. Елисеева: по мотивам его воспоминаний / сост. Н. А. Корсакова, М. В. Карпов, К. В. Скиба. Краснодар: Традиция, 2013. 271 с.
3. Королев В. Н. Босфорская война. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 2002. 704 с.
4. Малукало А. Н. Кубанское казачье войско в 1860-1914 гг. Организация, система управления и функционирования, социально-экономический статус. Краснодар, 2003. 327 с.

5. Недосекин В. И. Организация власти и управления в Черномории в конце XVIII – первой половине XIX в. // Дон и Степное Предкавказье. XVIII – первая половина XIX в. Социальные отношения, управление, классовая борьба. Ростов-на-Дону, 1977. С. 64-71.
6. Покровский М. В. Из истории адыгов в конце XVIII — первой половине XIX века: Социально-экономические очерки [Электронный ресурс] // Кавказский узел. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/198649> (дата обращения: 15.05.2014).
7. Ратушняк В. Н. История Кубани XVI – начала XX в. в отечественной историографии 1920-1980 гг. // Проблемы историографии и истории Кубани. Краснодар, 1994. С. 14-28.
8. Ратушняк В. Н. Отечественная историография заселения и освоения казачеством прикубанских степей в конце XVIII – I половине XIX в. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slavakubani.ru/land-management/development-of-military-lands/detail.php?ID=2278> (дата обращения: 01.04.2014).
9. Фадеев А. В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957. 260 с.
10. Фролов Б. Е. Институт наемничества в Черноморском казачьем войске [Электронный ресурс]. URL: http://www.cossackdom.com/articles/f/frolov_institut.htm (дата обращения: 01.04.2014).
11. Юрченко И. Ю. Историографический анализ актуальных научных исследований феномена казачества Юга России (На материале диссертаций смежных гуманитарных и общественных наук) // Культурная жизнь юга России. 2010. № 3. С. 54-58.

INSTITUTION OF KUBAN STANITSA ATAMANS: HISTORIOGRAPHY OF THE SOVIET PERIOD

Kas'yanova Irina Vladimirovna, Ph. D. in Pedagogy
Kuban State Technological University
Iri3897@yandex.ru

In the article the historiography of the institution of the stanitsa atamans of Kuban in the soviet period, which is not rich in research works on the mentioned subject matter, is considered. In the soviet period historiography was based on Marxism-Leninism methodology that aroused interest in material production, economic factors influencing the Cossacks' community life. The striking examples of such works are monographic researches by V. A. Golobutskii, V. I. Nedosekin and M. V. Pokrovskii.

Key words and phrases: institution of stanitsa atamans; Kuban; Cossacks' community; Cossacks' society; Cossacks' gathering.

УДК 781.5

Искусствоведение

Статья посвящена исследованию специфики театрализации музыкального материала. Основное внимание сосредоточено на анализе вопросов композиторской театрализации музыкального сочинения, композиторской режиссуры, рефлексии коммуникативной формулы музыкально-театрального искусства: автор-исполнитель-зритель. В статье представлена оригинальная классификация композиторских форм театрализации музыкального материала. Данные формы основываются на главных действенных средствах выразительности: звукоизобразительном начале, визуально-статичном начале, визуально-действенном начале, театре на театре.

Ключевые слова и фразы: театрализация; автор; искусство; коммуникация; классификация; средства выразительности; визуализация; синтез; интеграция.

Киреева Наталья Юрьевна, к. искусствоведения

Саратовская государственная консерватория им. Л. В. Собинова
sanata1004@yandex.ru

НЕТРАДИЦИОННЫЕ КОМПОЗИТОРСКИЕ ФОРМЫ ТЕАТРАЛИЗАЦИИ МУЗЫКАЛЬНОГО МАТЕРИАЛА[©]

Современное академическое музыкальное искусство, отвечая на социальные запросы времени, развивается как музыкально-коммуникативная деятельность, в которой процесс коммуникации-общения проявляется в триединой практике сочинения – исполнения – восприятия музыки. Музыкально-коммуникативная деятельность представляет собой возможность контактирования создателей произведения искусства и тех, кому оно адресовано, в связи с этим остаются актуальными проблемы активизации слушательского, зрительского интереса и расширения аудитории искусства. «Поскольку новая музыкальная интенция исходит из либеральных, плюралистических установок нынешней духовной жизни общества..., она может быть определена как многополярная, культурно диалогическая, коммуникативно-открытая. Такая интенция «ностулирует» в музыке новые, актуальные... смыслы, предписывает академическому искусству находить изоморфные этим смыслам устойчивые комплексы выразительных средств», – подчеркивает Г. А. Демешко [4, с. 11]. Развитие музыкального материала обретает новые средства выражения в сфере театрального творчества,